

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Е.А. Тахо-Годи

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ – ВЛ. СОЛОВЬЕВ В СВЕТЕ АНТИНОМИКО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ А.Ф. ЛОСЕВА*

Тахо-Годи Елена Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1-й уч. корп.; ведущий научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX – начала XX в. Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а, стр. 1; e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

В статье выдвигается гипотеза о том, что для изучения «антиномической поэтики» русских символистов необходимо предварительно установить истоки их антиномического мышления. Исходя из этого тезиса, автор обращается к творчеству Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева, чье значение для становления символизма в России достаточно очевидно. Однако в статье предлагается нетрадиционный ракурс рассмотрения данной проблемы: анализируется не наследие этих двух мыслителей XIX в., но то, как их мировоззренческие – религиозные, историософские, эстетические – схождения и расхождения интерпретируются в книге «Владимир Соловьев и его время» А.Ф. Лосева. Проводятся аналогии между суждениями о Достоевском и Вл. Соловьеве символистов (Вяч. Иванова и С.М. Соловьева) с лосевским подходом к этой теме. Делается вывод о том, что, с его точки зрения, принципиальное различие между ними сказывается в отношении к материи, а также к чреватой мифом реальности. Если Достоевский является представителем «мифологического реализма», то для соловьевской диалектики, несмотря на присущий ей антиномико-синтетический символизм, такие категории, как «символ» или «миф», оказываются чуждыми и излишне «абстрактными». Для уяснения лосевской позиции привлекаются его суждения о Достоевском из книги «Проблема символа и реалистическое искусство». Показано, что, исходя из трактовки символа как антиномии обозначаемого и обозначающего, Лосев приходит к пониманию природы поэтики Достоевского как антиномико-символической, что сказывается на его трактовке изображения персонажей великим романистом. Амбивалентность в их поведении, обычно воспринимаемая как психологизм, Лосев трактует как присущий писателю символизм. Такой подход, несомненно, дает и новый инструментарий для анализа текстов Достоевского, и философское обоснование схождения поэтик Достоевского и русского символизма.

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00248 («“Антиномическая поэтика” русского символизма: современные концепции и практики анализа»), <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>

Ключевые слова: Достоевский, Соловьев, Лосев, антиномическая поэтика, мифологический реализм, учение о символе

Для цитирования: Тахо-Годи Е.А. Ф.М. Достоевский – Вл. Соловьев в свете антиномико-символической теории А.Ф. Лосева // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 3. С. 160–172.

«Антиномическая поэтика» символистов и наследие А.Ф. Лосева

Понятие «антиномическая поэтика» при изучении русского символизма впервые было использовано М.Л. Гаспаровым в статье «Антиномическая поэтика русского модернизма»¹. В статье Л.А. Гоготишвили 2004 г. был предложен иной термин – «антиномический принцип» – также для анализа символистской поэтики на примере поэзии Вяч. Иванова². Но лишь в последнее время «антиномическая поэтика» стала осознаваться не только как «рабочее определение», удобное для описания одной из важных особенностей символистского сознания и ее конструктивной роли в художественно-поэтических практиках и философско-теоретическом дискурсе, но и как проблема, нацеленная прежде всего на выявление того, каким образом в современных подходах к символизму осмыслена его антиномическая природа, а также диалогически взаимообусловленный процесс научного прочтения символистских текстов. Предложенный ракурс предполагает описание механизмов, форм и различных вариантов рецепции русского символизма в литературоведческих концепциях и практиках анализа, а также реконструкцию процесса осмысления русского символизма учеными, придерживавшимися различных подходов: диалогического (М.М. Бахтин), герменевтического (С.С. Аверинцев), лингвофилософского (Л.А. Гоготишвили), синергийно-антропологического (С.С. Хоружий), синтезирующей структуралистские и бахтинские подходы школы современной теоретической поэтики (Н.Д. Тамарченко, С.Н. Бройтман, М.Н. Дарвин) и др. Разработке этой проблематики сейчас посвящен специальный исследовательский проект в ИМЛИ РАН³.

Изучая рецепцию русского символизма в отечественной науке на излете XX в., нельзя обойти и наследия великого русского философа А.Ф. Лосева. Только посмертно, в ходе издания лосевских трудов, возвращающихся в научный оборот с середины 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени, стало очевидно, что его философско-эстетическая система, зарождавшаяся в символистскую эпоху, имеет антиномико-синтетический характер и является волне релевантной при описании поэтики русского символизма. При этом уникальность случая А.Ф. Лосева заключается в том, что филологами он никогда не рассматривался как исследователь Серебряного века вследствие отсутствия у него работ, посвященных непосредственно символистам. Даже когда он обращался к проблеме «символа» в книге 1976 г. «Проблема символа и реалистическое искусство» или к «духовному отцу» русских

¹ Гаспаров М.Л. Антиномическая поэтика русского модернизма // Гаспаров М.Л. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 434–458.

² Гоготишвили Л.А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 2002. Т. 21: Vjačeslav Ivanov: Poesia e sacra scrittura. P. 213–250.

³ См. аннотацию проекта: <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>

символистов в книге «Владимир Соловьев и его время» (писавшейся в середине 1980-х гг., но в полном объеме ставшей доступной читателям лишь в 2000 г.), эти труды практически не были востребованы историками литературы при изучении символистской поэтики. А ведь автор неслучайно уделял внимание и самим символистам (о чем свидетельствует обилие примеров из их произведений в «Проблеме символа и реалистическом искусстве»), и их отношению к Вл. Соловьеву («Владимир Соловьев и его время»). Полагаю, что эта устаревшая парадигма 1970–1980-х гг., сохраняющаяся в отечественном литературоведении до сих пор, должна быть преодолена.

Чтобы обоснованно раскрыть остающуюся до сих пор неотрефлектированной специфику лосевской рецепции антиномического символистского дискурса, необходимо внимательнее взглянуть не только в то, как Лосев характеризует взаимосвязь Вл. Соловьева и символистов, но и каким ему видится отношение Вл. Соловьева к Ф.М. Достоевскому. Обращение к фигурам двух мыслителей, чье творчество было живительной почвой для литературы и философии начала XX в., с моей точки зрения, может помочь уяснить лосевский подход к анализу «антиномической поэтики» в целом и символизма в частности. Это также должно содействовать выявлению истоков антиномического мышления в конце XIX – начале XX столетия. Вот почему в настоящей статье я и хочу предложить рассмотреть лосевскую трактовку предшественников символизма.

Вл. Соловьев и Ф.М. Достоевский сквозь лосевскую философскую призму

Об отношении Лосева к Вл. Соловьеву или к Достоевскому – по отдельности – исследователи писали достаточно много⁴. Я сама затрагивала вопрос о воздействии соловьевских идей на лосевскую прозу и в статьях⁵, и в монографии «Художественный мир прозы А.Ф. Лосева»⁶, писала и о лосевском понимании Достоевского и отдельных его образов⁷. Но до сих пор никем не было проанализировано то, каким видится в лосевской оптике восприятие Вл. Соловьевым Достоевского и насколько мыслитель XX в. солидаризируется с соловьевской интерпретацией.

В книге «Владимир Соловьев и его время» одной из основных целей А.Ф. Лосева является исследование диалектики Вл. Соловьева, демонстрация ее философских истоков и – одновременно – методологического потенциала.

⁴ См.: Алексей Федорович Лосев: Биобиблиографический указатель: к 120-летию со дня рождения. М., 2013.

⁵ Тахо-Годи Е.А. Традиции «Трех разговоров» Вл. Соловьева в прозе А.Ф. Лосева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М., 2005. С. 214–220; Она же. Метаморфозы соловьевской метафоры в наследии А.Ф. Лосева // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева. М., 2018. С. 404–416.

⁶ Тахо-Годи Е.А. Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М., 2007.

⁷ Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев и Ф.М. Достоевский (лосевский доклад 1983 г. в Доме литераторов) // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М., 2013. С. 557–563; Она же. Личность Раскольникова как символ: А.Ф. Лосев и Ф.М. Достоевский // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19). С. 133–146.

Автор обзорекает соловьевское творчество, исходя из собственных антиномико-диалектических воззрений, сформировавшихся под воздействием изучения платонизма и неоплатонизма, а также их традиций у христианских мыслителей, прежде всего у Псевдо-Дионисия Ареопагита и Николая Кузанского. Это позволяет ему рельефнее очертить соловьевский антиномико-синтетический символизм, продемонстрировав как схождения, так и расхождения мыслителя и с философами (Л.М. Лопатин, Е.Н. Трубецкой, Э.Л. Радлов), и с символистами (А.Л. Волынский, Вяч. Иванов, Д.С. Мережковский и др.)⁸. Лосев убежден, что соловьевская философия всеединства в своей основе есть не что иное, как антиномико-символическая диалектика, типологически близкая диалектическим построениям неоплатоников. Вот почему и в 1980-е гг. в своем антиномико-символическом методе он во многом продолжает не только неоплатоников, но и соловьевскую линию.

Понятно, что на фоне подобной «сверхзадачи» выяснение отношения Вл. Соловьева к Достоевскому является только эпизодом из «сопутствующего» сюжета – обзора соловьевского философско-литературного окружения. Это вовсе не свидетельствует о его маловажности для Лосева. Биографические подробности общения этих двух выдающихся личностей Лосев едва затрагивает: упомянуты совместная поездка в Оптину пустынь, а также влияние знакомства с братьями Соловьевыми – Всеволодом, Владимиром и Михаилом – на замысел «Братьев Карамазовых». Гораздо больше занимает автора трактовка воззрений Достоевского Вл. Соловьевым в его «Трех речах в память Достоевского (1881–1883 гг.)», опубликованных отдельной книгой в 1884 г. Но, по лосевскому мнению, интерпретация Вл. Соловьевым идей Достоевского идеологически актуализировалась не сразу в 1880-е гг. после смерти великого романиста, а позднее – в 1890-х гг.⁹ (то есть – заметим в скобках – в период зарождения русского символизма).

Лосев вычленяет целый ряд идейных схождений – религиозных, историко-философских, эстетических – у Достоевского и его интерпретатора-философа, в том числе:

- (1) вера в будущую вселенскую церковь,
- (2) критика юридического начала римского католичества,
- (3) необходимость внутреннего общения с народом как носителем истиной христианской веры,
- (4) отказ от «эгоизма и личного самопревознесения»,
- (5) критика «бытового реализма» в литературе, отсутствия в ней «надбытовых идеалов»¹⁰.

Правда, констатируя близость Вл. Соловьева и Достоевского в этих пунктах, он тут же подчеркивает, что «отношение Вл. Соловьева к Достоевскому по национальным вопросам претерпело существенную эволюцию»¹¹, что уже в 1882–1883 гг. у философа «произошел крутой перелом в пользу римского католичества», что содействовало его отходу от «национализма

⁸ Первые подступы к пониманию специфики лосевского подхода к русским символистам при рассмотрении соловьевского антиномико-синтетического символизма в книге «Владимир Соловьев и его время» были сделаны мною в статье: *Тахо-Годи Е.А.* Вл. Соловьев и русский символизм: концепция А.Ф. Лосева и актуальные практики анализа // Соловьёвские исследования. 2024. № 4. С. 81–92.

⁹ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2009. С. 413.

¹⁰ Там же. С. 414–415.

¹¹ Там же. С. 418.

и изолированного православия» Достоевского и появлению в третьей речи о писателе «разного рода идей, имеющих мало отношения к Достоевскому», в том числе о примирении Востока и Запада и о соединении церквей¹². Лосев подчеркивает, что Вл. Соловьев не отрицает «русского национализма», но рассматривает его уже как основу для «всеобщего вселенского примирения», для осуществления «идеала всечеловечества»¹³. Принимая сформулированный Достоевским «универсальный всечеловеческий характер русской идеи», объединяющей и примиряющей два противоположных начала – Восток и Запад, философ отвергает «элементарный шовинизм», который, как он пишет в 1893 г. в работе «Исторический сфинкс», давал о себе знать у Достоевского при «всякой конкретной постановке национального вопроса»¹⁴.

В соловьевской третьей речи, помимо отличий во взглядах на национальный вопрос, Лосев уделяет особое внимание общей характеристике мировоззрения Достоевского, синтезирующей три начала:

- мистическое, являющее «живое чувство связи с сверхчеловеческим»,
- гуманистическое, когда человек берется «во всей его полноте и действительности», не исключая его «падшее», «злое» состояние,
- натуралистическое, учитывающее теснейшую связь человека с природным и – в целом – материальным миром¹⁵.

Последний момент Лосев наиболее акцентирует. Ему в равной мере важно указать и на особое ощущение святости материи у Достоевского, в результате чего «у Достоевского мать-земля есть прямо мистическая аналогия христианского представления о Богородице», и на редчайшее в истории идеализма стремление Вл. Соловьева совместить идеализм и материализм. «Идеализм» и «материализм» трактуются здесь именно как члены антиномии, которые синтезируются не только в учении о Софии, но и в учении о богочеловечестве Христа. В учении о богочеловечестве Христа и материя оказывается «максимально совершенным бытием», и «Божество дано по своей субстанции», как и полагается противоположным, антиномичным началам, «нераздельно, но и неслиянно», потому что, как пишет Лосев, «если не существует принципиальной противоположности, тогда и сливаться [синтезироваться. – Е.Т.-Г.] будет нечему»¹⁶. С лосевской точки зрения, сложившееся у Вл. Соловьева учение о материи предопределило сделанный им поворот от «прежней отвлеченной эстетики» к «новой эстетике, основанной не на красоте как умозрительной предметности, но на красоте как животворящей силе самой действительности»¹⁷. Вместе с тем благодаря этой мировоззренческой эволюции для Вл. Соловьева «основным принципом» эстетики стала возникающая на страницах романов «Идиот» и «Братья Карамазовы», зачастую приписываемая самому писателю мысль о красоте как великой силе, способной спасти мир¹⁸.

Конечно, на диалектическом законе единства противоположностей: одно-иное-целое – базируются не только учения о Богочеловечестве и всеединстве или соловьевская эстетика. Для Лосева несомненно, что этот закон, осознанный еще античными философами, прежде всего Платоном

¹² Там же. С. 416.

¹³ Там же. С. 417.

¹⁴ Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб., [1914]. С. 414.

¹⁵ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 418–419.

¹⁶ Там же. С. 513.

¹⁷ Там же. С. 556.

¹⁸ Там же.

и неоплатониками, лежит в основе всего мироустройства. Недаром в тезисах «Мифология и диалектика» 1982 г. он утверждает, что «всякая структура вещи есть единораздельная цельность вещи и всех ее проявлений и действий вне ее»¹⁹. Этот диалектический принцип видит в единораздельной цельности своего рода «модель» любого становления – будь это «сам живой космос со всеми его внутрикосмическими структурами и проявлениями» или структура мифа, рассказывающая о нем²⁰.

Финальную формулировку чрезвычайно важно учесть и вот в какой связи: в докладе «О мифологии в литературе» 1983 г. Лосев будет говорить о том, что «*мифология есть воплощение действительности*», и вводить понятие «мифологического реализма» как тоже определенного рода антиномического синтеза двух противоположностей – «наибольшей обобщенности» и «максимально ярко выраженной материальной данности»²¹. По Лосеву, «специфика мифологии» заключается в «максимальной обобщенности образа и максимально ярко выраженной физической ее данности», то есть в «субстанциальном тождестве идеального и материального», в тождестве между «естественным и сверхъестественным»²², или – если мы используем уже не лосевскую, а соловьевскую терминологию из его третьей речи о Достоевском – между «натуральным» и «мистическим». Достоевский и является для Лосева представителем «мифологического реализма».

Спор с символистами о Ф.М. Достоевском: pro et contra

Мифология, с точки зрения Лосева, есть «один из типов реализма». Вряд ли ошибусь, если скажу, что этот реализм сам Достоевский называл «реализмом в высшем смысле», а один из его интерпретаторов – поэт и теоретик символизма – Вячеслав Иванов определял как устремление от реального к реальнейшему – *a realibus ad realiora*.

Упомянуть о Вячеславе Иванове нужно и потому, что в книге «Владимир Соловьев и его время» Лосев видит в нем наиболее твердого последователя и истолкователя Соловьева из числа символистов. Он полностью солидаризируется с ивановской позицией, нашедшей воплощение в статье, вошедшей в 1911 г. в «Сборник первый. О Владимире Соловьеве» и первоначально называвшейся «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания». В этой работе Вяч. Ивановым не только устанавливалась традиция Достоевский – Соловьев в отношении идеи соборности, но и намечалось диалектическое единство их – в определенной степени – противоположных путей: «Через Достоевского русский народ психически (т.е. в действии Мировой Души) осознал свою идею как идею всечеловечества. Через Соловьева русский народ логически (т.е. действием Логоса) осознал свое призвание – до потери личной души своей служить началу Церкви вселенской»²³.

¹⁹ Лосев А.Ф. Мифология и диалектика // Credo new. 2017. № 1. С. 18.

²⁰ Там же.

²¹ Лосев А.Ф. О мифологии в литературе // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. Водолей, 2013. С. 566.

²² Там же.

²³ Иванов Вяч. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов Вяч. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Bruxelles, 1979. С. 306.

Констатируя тяготение к Достоевскому Вл. Соловьева, которому был близок «философский, общественно-политический и апокалиптический пафос» писателя²⁴, Лосев, подобно Вяч. Иванову, стремится показать как схождения, так и отличия Достоевского и Вл. Соловьева, особенно заостряя непонимание Вл. Соловьевым великого романиста.

По Лосеву, разделяющая их граница проходит как раз там, где, казалось бы, и намечено самое явное совпадение – в отношении к материальному миру. Отметая какие-либо обвинения в пантеизме в равной степени и по поводу Вл. Соловьева, и по поводу Достоевского, потому что, в отличие от христианства, «пантеизм безличен и бездушен»²⁵, Лосев проводит размежевание между ними. В случае с Достоевским он ставит акцент на понятой сверхчувственно телесности, то есть, другими словами, на телесности, понятой чисто мистически, ибо Лосев солидаризируется с пониманием мистики как «использования непосредственного опыта сверхчувственной действительности»²⁶. В случае с Вл. Соловьевым он акцентирует внимание на его идее «о святой телесности»²⁷, о возведении материи в степень «максимально совершенного бытия», с субстанциально присущими ей совершенствами Божества, превращения ее в Бого-материю, что наиболее очевидным образом проявляется «в учении о богочеловечестве Христа, в котором и Божество дано по своей субстанции, и человек дан по своей субстанции, нераздельно, но и неслиянно»²⁸.

Этот соловьевский «религиозный материализм»²⁹, несомненно, был всю жизнь близок самому Лосеву – недаром в ранней работе «Строение художественного мироощущения» он вполне по-соловьевски утверждал: «...первичное, не тронутое мыслью бытие носит в себе, однако, печать начинающегося преображения, которое совершается здесь в форме преобразования косной материи в истинную форму красоты»³⁰, и подчеркивал, что «истинная эстетика есть эстетика религиозного материализма»³¹.

По Лосеву, «учение о Богочеловечестве есть у Вл. Соловьева наивысшее и предельно выраженное материальное воплощение духа»³², причем «у Вл. Соловьева получается так, что не только Бог нисходит в низшую и грешную материю, но и сама материя способна возвыситься до воплощения Божества»³³, а «софийные переживания начинаются у нас тогда, когда мы активно относимся к Богу, а Бог является как бы той пассивной материей, к которой мы стремимся»³⁴. Однако, как считает Лосев, несмотря на то, что «при изучении Вл. Соловьева мы очень часто встречаемся со своего рода каким-то материалистическим идеализмом», мыслитель все-таки «не дошел до мистического материализма»³⁵ Достоевского, хотя, как

²⁴ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 580.

²⁵ Там же. С. 514.

²⁶ Там же. С. 443.

²⁷ Там же. С. 488.

²⁸ Там же. С. 514.

²⁹ Там же. С. 488.

³⁰ Лосев А.Ф. Строение художественного мироощущения // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М., 1995. С. 300.

³¹ Там же.

³² Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 146.

³³ Там же. С. 489.

³⁴ Там же. С. 85.

³⁵ Там же. С. 91.

и Достоевский, «пророчествовал о какой-то новой религии, где на первом плане была Земля»³⁶. Тем не менее признать культ Земли «целиком... никак не мог ввиду своего глубокого учения о богочеловечестве» и о Церкви как живом теле Богочеловека³⁷.

Вот почему Лосев вполне сочувственно цитирует слова С.М. Соловьева-младшего, поэта-символиста и биографа своего знаменитого дядюшки-философа, о том, что Достоевский и Соловьев – это две противоположности: «Трудно представить более противоположных людей. Достоевский весь – анализ. Соловьев весь – синтез. Достоевский весь трагичен и антиномичен: Мадонна и Содом, вера и наука, Восток и Запад находятся у него в вечном противоборстве, тогда как для Соловьева тьма есть условие света, наука основана на вере, Восток должен в органическом единстве соединиться с Западом»³⁸. Вместе с тем он не соглашается с мнением племянника Вл. Соловьева, что философ навязывал Достоевскому свои взгляды. Лосев убежден, что Вл. Соловьев, несмотря на прозрение культа материи у Достоевского, не мог понять великого романиста, да и никто в 1870–1890-е гг. не мог «понять Достоевского во всей его оригинальности и глубине», потому что «такое понимание стало возможным не раньше XX столетия, после того как по всей Европе пронесли волны символизма и декаданса»³⁹. Только после этого стала очевидна «вся эта невероятная смесь тончайшего интеллектуализма, интимнейшего иррационализма, острейшего ощущения мифологизма и мирового катастрофизма»⁴⁰, то есть всего того, чего Вл. Соловьев, сосредоточенный в своих «Трех речах в память Достоевского» прежде всего на религиозных, социальных и этических проблемах, не видел или так же не мог увидеть, как и его современники.

Поэтика Ф.М. Достоевского: психологизм или символизм?

Если мы останемся в рамках только книги «Владимир Соловьев и его время», то мы не сможем ответить на два важных вопроса: почему, с лосевской точки зрения, 1) чтобы понять Достоевского, должна была наступить эпоха символизма 2) и что еще (кроме всего только что перечисленного) не подметил в Достоевском Вл. Соловьев?

Для большей рельефности понимания лосевской позиции необходимо обратиться к главке «Достоевский» из его книги «Проблема символа и реалистическое искусство». Когда мы в нее вчитаемся, то окажется, что все то, что обычно исследователями Достоевского воспринимается как психологизм, как особое умение проникнуть в психологию личности, увидеть то, как в ней сосуществуют «двойники» или, если пользоваться термином М.М. Бахтина, как рождается особый полифонизм Достоевского, его «двуголосое слово», по Лосеву, есть не что иное, как особого рода символизм.

Чтобы объяснить, на чем зиждется столь необычная интерпретация, нужно учесть, что с точки зрения лосевской теории символа сам «символ

³⁶ Там же. С. 92.

³⁷ Там же.

³⁸ Цит. по: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 414.

³⁹ Там же. С. 419.

⁴⁰ Там же.

есть арена встречи обозначающего и обозначаемого»⁴¹, то есть является (аналогично мифу) антиномией, итогом синтеза двух противоположностей: 1) обозначаемой вещи (события) и 2) обозначающего образа. Символ есть их слияние «в одно целое», поэтому «это самотождественное различие обозначаемого и обозначающего... как раз и делает символ именно символом»⁴². По Лосеву, «символ есть принцип конструирования», то есть, другими словами, «порождающая модель», причем «общее» всегда «содержит в себе закономерность» для «единично-текущей действительности», вмещает явления «в себе, однако не в их грубой раздельности, но в виде закона протекания этой действительности», в результате чего «это общее содержит в себе закономерность для соответствующего единичного и обязательно разлагается в ряд отдельных явлений и фактов, конечный, а может быть, даже и бесконечный»⁴³. Лосев определяет «символическое тождество» как «единораздельную цельность, определенную тем или другим единым принципом, его порождающим и превращающим его в конечный или бесконечный ряд различных закономерно получаемых единичностей, которые и сливаются в общее тождество породившего их принципа или модели как в некий общий для них предел»⁴⁴. Такова, в соответствии с лосевской концепцией, «логическая природа» символа, общая для совершенно разных писателей, чьи произведения отличаются идейно и содержательно, но само «структурное построение» трансформирует их тексты в символические⁴⁵. При этом в каждом конкретном случае необходимо учитывать *наполнение этой «структуры» конкретным социально-историческим содержанием*, так как, по Лосеву, «символ есть та обобщенная смысловая мощь предмета, которая, разлагаясь в бесконечный ряд, осмысливает собою и всю бесконечность частных предметов, смыслом которых она является»⁴⁶.

Базируясь на собственной теории символа, Лосев и приходит к пониманию природы поэтики Достоевского не как исключительно антиномической (как ее интерпретировал, например, символист С.М. Соловьев-младший), но как антиномико-символической. Отсюда приводимые Лосевым в книге «Проблема символа и реалистическое искусство» многочисленные примеры из текстов Достоевского, которые, на первый взгляд, свидетельствуют только об амбивалентности, о психологической раздвоенности персонажей его произведений. Однако для Лосева то, что в «Вечном муже» Павел Павлович хочет заплакать и обнять больного Вельчанинова, который был любовником его покойной жены, вовсе не личная, психологическая черта Павла Павловича, потому что хотя «заплакать и обняться – это нечто противоположное желанию резать», но «оно здесь является символом резывания и впервые только через него осмысливается»⁴⁷. Лосев обращает внимание на то, что в повести «Двойник» поступок главного персонажа, любое «предварительное действие» всегда противоречит его последующим действиям, но в итоге «они являются их бессознательными символами одно в отношении

⁴¹ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 2014. С. 72.

⁴² Там же. С. 78

⁴³ Там же. С. 83–84.

⁴⁴ Там же. С. 86.

⁴⁵ Там же. Курсив мой. – Е. Т.-Г.

⁴⁶ Там же. С. 84–85.

⁴⁷ Там же. С. 78.

другого и оба в отношении Голядкина»⁴⁸. Аналогично в «Записках из подполья» герой «в самый последний момент вдруг меняет свое решение», что оказывается как раз «символом личности героя»⁴⁹. И «подпольный человек» выражен у Достоевского «как символ, в котором совпадают противоречащие друг другу обозначающие и обозначаемые моменты», и личность Раскольникова из «Преступления и наказания» «вместе со всем его поведением и переживаниями есть символ», который «раскладывается в бесконечный ряд поступков Раскольникова»⁵⁰.

Причем не только отдельные герои, но и Петербург у Достоевского становится символом благодаря аналогичному структурному построению. «Мистика», то есть «живое чувство связи с сверхчеловеческим»⁵¹, есть конкретное социально-историческое содержание символа у Достоевского, особенно такого символа, как мать-земля. Но как бы ни привлекал к себе этот образ Вл. Соловьева (вспомним хотя бы его стихотворение «Земля-Владычица! К тебе чело склонил я...»), как считает Лосев, для него, стремившегося к синтезу «идеализма» и «материализма», было невозможно прийти к «символической мифологии»⁵² или, в частности, к идее «мифологического реализма» Достоевского. Несмотря на то, что его собственная философская система являла «динамическую диалектику антиномико-синтетического символизма», Вл. Соловьеву «такие категории, как “символ” или “миф”», казались «слишком абстрактными»⁵³ (недаром о трех ипостасях Божества он говорит, «не употребляя терминов “диалектика” или “символ”»⁵⁴). Именно это, если попытаться более явственно артикулировать лосевскую мысль, и помешало Вл. Соловьеву увидеть антиномико-символическую природу поэтики Достоевского.

Все сказанное, как думается, позволяет утверждать, что лосевская теория символа расширяет наши представления о внутренних законах поэтики Достоевского и вместе с тем дает возможность более обоснованно говорить о наличии в ней тех предвестий «антиномической поэтики» символизма, которые не были осознаны или восприняты Вл. Соловьевым, как известно, не принявшим и первые опыты самих русских символистов во главе с В. Брюсовым, что тем не менее не помешало им видеть во Вл. Соловьеве – и философе, и поэте – своего предтечу.

Список литературы

- Алексей Федорович Лосев: Биобиблиографический указатель: к 120-летию со дня рождения / Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко. М.: Дизайн и полиграфия, 2013.
- Гаспаров М.Л. Антиномическая поэтика русского модернизма // Гаспаров М.Л. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 434–458.
- Гоготшивили Л.А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 2002. Т. 21: Vjačeslav Ivanov: Poesia e sacra scrittura. P. 213–250.

⁴⁸ Там же. С. 79.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 80.

⁵¹ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 418.

⁵² Там же. С. 297.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 463.

- Иванов Вяч. Религиозное дело Владимира Соловьева // *Иванов Вяч. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 295–306.*
- Лосев А.Ф. Строение художественного мироощущения // *Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 298–320.*
- Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Лосев А.Ф. О мифологии в литературе / Подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2013. С. 564–570.
- Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / Сост. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М.: Русский мир, 2014.
- Лосев А.Ф. Мифология и диалектика / Подгот. текста, публ. и примеч. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи // *Credo new. 2017. № 1. С. 17–20.*
- Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Просвещение, [1914].
- Тахо-Годи Е.А. Традиции «Трех разговоров» Вл. Соловьева в прозе А.Ф. Лосева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2005. С. 214–220.
- Тахо-Годи Е.А. Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М.: Большая российская энциклопедия, 2007.
- Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев и Ф.М. Достоевский (лосевский доклад 1983 г. в Доме литераторов) // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2013. С. 557–563.
- Тахо-Годи Е.А. Метаморфозы соловьевской метафоры в наследии А.Ф. Лосева // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 404–416.
- Тахо-Годи Е.А. Личность Раскольникова как символ: А.Ф. Лосев и Ф.М. Достоевский // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19). С. 133–146.
- Тахо-Годи Е.А. Вл. Соловьев и русский символизм: концепция А.Ф. Лосева и актуальные практики анализа // *Соловьёвские исследования. 2024. № 4. С. 81–92.*

F.M. Dostoevsky – Vl. Solovyov in the light of A.F. Losev's antinomian-symbolic theory*

Elena A. Takho-Godi

Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. 25a Povarskaya Str., bld. 1, Moscow, 121069, Russian Federation; e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

The article puts forward the hypothesis that in order to study the “antinomic poetics” of the Russian Symbolists it is necessary first to establish the origins of their antinomian thinking. Based on this thesis, the author turns to the works of F.M. Dostoevsky and Vl. Solovyov, whose importance for the formation of symbolism in Russia is quite obvious. However, the article offers a non-traditional perspective on this problem: it does not analyze the legacy of these two thinkers of the 19th century, but how their worldview – religious, historiosophic, aesthetic – similarities and divergences are interpreted in the book “Vladimir Solovyov and His Time” by A.F. Losev. Analogies are drawn between the judgments of the Symbolists (Vyach. Ivanov and S.M. Solovyov) about

* The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF), Project No. 24-18-00248 (“Antinomic poetics” of Russian symbolism: modern concepts and analysis practice) <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>

Dostoevsky and Vl. Solovyov and Losev's approach to this theme. It is concluded that, from his point of view, the fundamental difference between them is reflected in their attitude to matter, as well as to the reality fraught with myth. While Dostoevsky is a representative of "mythological realism," for Solovyov's dialectic, despite its inherent antinomic-synthetic symbolism, such categories as "symbol" or "myth" appear alien and excessively "abstract." To clarify Losev's position, his judgments about Dostoevsky from the book "The Problem of the Symbol and Realistic Art" are attracted. It is shown that, based on the understanding of the symbol as the antinomy of the signified and the signifier, Losev comes to understand the nature of Dostoevsky's poetics as antinomy-symbolic, which affects his interpretation of the great novelist's portrayal of characters. Ambivalence in their behavior, usually perceived as psychologism, is interpreted by Losev as the writer's inherent symbolism. This approach undoubtedly provides new tools for analyzing Dostoevsky's texts and philosophical justification of the similarities between the poetics of Dostoevsky and Russian Symbolism.

Keywords: Dostoevsky, Solovyov, Losev, antinomic poetics, mythological realism, theory of symbol

For citation: Takho-Godi, E.A. "F.M. Dostoevskij – Vl. Solov'ev v svete antinomiko-simvolicheskoj teorii A.F. Loseva" [F.M. Dostoevsky – Vl. Solovyov in the light of A.F. Losev's antinomian-symbolic theory], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2025, Vol. 18, No. 3, pp. 160–172. (In Russian)

References

- Gasparov, M.L. "Antinomicheskaja pojetika russkogo modernizma" [Antinomic Poetics of Russian Modernism], in: M.L. Gasparov, *Izbrannye Trudy* [Selected Works], Vol. 2. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1997, pp. 434–458. (In Russian)
- Gogotishvili, L.A. "Antinomicheskij printsip v poezii Vyach. Ivanova" [Antinomic principle in the poetry of Vyach. Ivanov], *Europa Orientalis*, 2002, T. 21: Vjačeslav Ivanov: Poesia e sacra scrittura, pp. 213–250. (In Russian)
- Ivanov, Vyach. "Religioznoe delo Vladimira Solov'eva" [The Religious Work of Vladimir Solovyov], in: Vyach. Ivanov, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 3. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1979, pp. 295–306. (In Russian)
- Losev, A.F. "Mifologia i dialektika (1982)" [The mythology and dialectic (1982)], ed. by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi, *Credo new*, 2017, No. 1, pp. 17–20. (In Russian)
- Losev, A.F. "O mifologii v literature" [On Mythology in Literature], ed., comments by E.A. Takho-Godi, *F.M. Dostoevskij i kul'tura Serebriannogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [F.M. Dostoevsky and Silver Age Culture: Traditions, Interpretations, Transformations], ed. by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi. Moscow: Vodolei Publ., 2013, pp. 564–570. (In Russian)
- Losev, A.F. "Stroenie hudozhestvennogo mirooshhushhenija" [The Structure of Artistic World-view], in: A.F. Losev, *Forma. Stil'. Vyrazhenie* [Form. Style. Expression]. Moscow: Mysl' Publ., 1995, pp. 298–320. (In Russian)
- Losev, A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art], ed. by A.A. Takho-Godi and V.P. Troitskii. Moscow: Russkii mir Publ., 2014. (In Russian)
- Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremia* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow: Molo-daia gvardia Publ., 2009. (In Russian)
- Muhamedzhanova, G.M. & Chepurensko, T.V. (eds.) *Aleksei Fedorovich Losev: Biobibliograficheskij ukazatel': k 120-letiju so dnja rozhdenija* [Alexey Fedorovich Losev: Biobibliographic Index: To the 120th Anniversary of his Birth]. Moscow: Dizayn i poligrafija Publ., 2013. (In Russian)
- Solovyov, V.S. *Sobranie sochinenii, T. 6: 1886–1894* [Collected works, Vol. 6: 1886–1894]. St. Petersburg: Prosveshchenie Publ., [1914]. (In Russian)

- Takho-Godi, E.A. "A.F. Losev i F.M. Dostoevskii (losevskii doklad 1983 goda v Dome literatorov)" [A.F. Losev and F.M. Dostoevsky (Losev's 1983 report at the House of Writers)], *F.M. Dostoevskii i kul'tura Serebrianogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [F.M. Dostoevsky and Silver Age Culture: Traditions, Interpretations, Transformations], ed. by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi. Moscow: Vodolei Publ., 2013, pp. 557–563. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. "Lichnost' Raskol'nikova kak simbol: A.F. Losev i F.M. Dostoevskii" [Raskolnikov's personality as a symbol: A.F. Losev and F.M. Dostoevsky], *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 2022, No. 3 (19), pp. 133–146. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. "Metamorfozy solov'evskoi metafory v nasledii A.F. Loseva" [Metamorphoses of Soloviev's metaphor in A.F. Losev's heritage], *Literatura i religiozno-filosofskaia mysl' konca XIX – pervoj treti XX veka. K 165-letiju Vl. Solov'eva* [Literature and religious-philosophical thought of the late XIX – the first third of the XX century. To the 165th anniversary of Vladimir Solovyov], ed. by E.A. Takho-Godi. Moscow: Vodolei Publ., 2018, pp. 404–416. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. "Vl. Solov'ev i russkij simbolizm: koncepcija A.F. Loseva i aktual'nye praktiki analiza" [Vladimir Solovyov and Russian symbolism: Aleksei F. Losev's concept and current analysis practices], *Solovyov Studies*, 2024, No. 4 (84), pp. 81–92. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. *Khudozhestvennyi mir prozy A.F. Loseva* [The artistic world of A.F. Losev's fiction]. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. "Tradicii 'Treh razgovorov' Vl. Solov'eva v proze A.F. Loseva" [Traditions of V. Solovyov's 'Three Conversations' in A.F. Losev's prose], *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebrianogo veka. K 150-letiju Vl. Solov'eva i 110-letiju A.F. Loseva* [Vladimir Solovyov and the Culture of the Silver Age. To the 150th Anniversary of V. Soloviev and the 110th Anniversary of A.F. Losev], ed. by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi. Moscow: Nauka Publ., pp. 214–220.